

Х Житниковские чтения. Русская речь: вчера, сегодня, завтра. Материалы Всероссийской научной конференции с зарубежным участием. 3-4 февраля 2011 года. Челябинск. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 98-101

Воронцова Т.А.

Удмуртский университет

КУЛЬТУРА РЕЧИ В ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

Публичный дискурс в широком понимании – это дискурс, ориентированный на массового (множественного) адресата. Характер адресации публичного дискурса обуславливает его тематическое ограничение: предмет публичного дискурса должен быть значим для максимально широкой аудитории. Тематика публичного дискурса определяется прежде всего интересами адресата: это политика, экономика, вопросы этики, морали, здоровья и т.п.

Поскольку выбор предмета речи должен быть ориентирован на множественного гетерогенного адресата, постольку этот предмет должен обсуждаться в языковых и речевых формах, доступных и понятных такому адресату.

В последние двадцать лет в российском официальном дискурсе активно декларируются постулаты о свободе слова и демократизации общественной жизни. Как это ни парадоксально, эти, безусловно, значимые и позитивные явления сыграли важную роль в падении речевой культуры в России. Понятие «свобода слова», определяемое как возможность открыто высказывать свои мысли, идеи, на российской почве почему-то трансформировалась в легализованную возможность говорить «как попало», независимо от статуса дискурса и статуса адресанта. Никем не отмененные языковые нормы стали для современного публичного дискурса таким анахронизмом, на который просто не стоит обращать внимание. Стремление к речевой демократизации стало пониматься как возможность активного использования в публичной речи разговорно-просторечных и жаргонных слов, которые, как известно, находятся за пределами литературного языка. Важно отметить, что подобные явления можно в изобилии обнаружить у самых высокостатусных ораторов, включая первых лиц государства. При этом не учитывается тот факт, что такие, на первый взгляд, невинные «игры с языком» могут иметь (и имеют!) негативные социальные последствия как для самого оратора, так и для

аудитории, т.е. массового адресата. Дело в том, что чем выше социальный статус и авторитет говорящего, тем более значимы для адресата все аспекты создаваемого им речевого произведения. С одной стороны, речь выступает как важный фактор в поддержании его репутации, создании имиджа. С другой, благодаря авторитетности адресанта, для слушателей это своего рода прецедентный текст как с точки зрения содержания, так и с точки зрения формы.

Как известно, оппозиция «правильно/неправильно» (языковая норма) является для слушателей одним из критериев формирования речевого имиджа оратора. Нарушение языковой и речевой нормы существенно влияет на процесс и на результат коммуникации. Слушатели «спотыкаются» о речевую ошибку, отвлекаются от содержания речи, к тому же «если аудитория зафиксировала у оратора речевую ошибку, то у нее возникает недоверие к передаваемой информации, сомнения в профессиональной компетентности оратора» [1. С. 155]. При этом не стоит уповать на известный принцип: «Дурак не заметит, умный промолчит!» Как правило, и дурак замечает (в соответствии с известной библейской истиной о соломинке в чужом глазу), и умный не молчит. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно обратить внимание на те комментарии, которые дают по поводу публичных выступлений наших политиков, чиновников и т.п. пользователи Интернета.

Например, в одном из своих интервью министр образования А.А. Фурсенко высказался следующим образом: *«Если бы родители интересовались, то еще в 7-8-м классах поняли, что математик в школе - никакой, а русичка - слабая. И пошли бы к директору требовать сильных предметников или перевели бы ребенка в другую школу»*. (Сайт «Образование» 13.10 2010 г.).

Комментарий: *«Если министр образования называет учителя русского языка "русичкой", то с ним больше не о чем разговаривать»*.

Очевидно, что речевая небрежность в устной речи затрудняет восприятие высказывания и нередко приводит к полному непониманию смысла сказанного. Но если при непосредственной коммуникации собеседник может что-то переспросить, уточнить, то публичная коммуникация сегодня чаще всего опосредована СМИ, где обратная связь отсутствует. Кроме того, по ходу устного выступления у слушателя нет времени на размышление и это обстоятельство требует от оратора особого внимания к оформлению высказывания.

В «авторитетном» публичном дискурсе, в отличие от других видов устного дискурса, такая ситуация осложняется тем, что адресат не готов к когнитивной работе по «расшифровке» смысла высказывания, поскольку статус адресанта по определению

предполагает у него наличие высокого уровня коммуникативной (а значит и языковой) компетентности. Речевые ошибки и смысловую невнятность высказывания адресат воспринимает как обман коммуникативных ожиданий и потому резко негативно оценивает не только такие высказывания, но и самого говорящего.

Например, Сергей Иванов, будучи министром обороны, сказал следующее: *«Думаю, они не имеют под собой той основы, о которой вы стали говорить, там противоспутниковая и так далее. Опасаюсь, что это не так, а, может быть, даже не опасаюсь, а хорошо, что это не так».*

Комментарий одного из пользователей Интернета: *По данным К. Kleist'a, при кататонических состояниях чаще всего происходит обеднение запаса слов, аграмматизм... При параноидной шизофрении автор наблюдал преимущественно парафатические расстройства, напоминающие парафазии, проявления височного параграмматизма, патологическое словообразование, напоминающее сенсорную афазию...*

К сожалению, в современной России даже президент Российской академии наук говорит так, что слушатели вряд ли могут понять, «что хотел сказать автор»: **«Я должен, к сожалению, сказать, что действующее законодательство Российской Федерации пока не способствует созданию условий для повышения заинтересованности наукоёмких отраслей промышленности и частных заказчиков использования результатов фундаментальных исследований»** (Из выступления президента РАН Осипова Ю.С. 2010 г.).

Очевидно, что указанные речевые погрешности носят непреднамеренный характер, однако они, с одной стороны, способны существенно понизить культурный и профессиональный статус оратора в глазах массового адресата, с другой – создают определенный прецедент для пренебрежительного отношения общества к языковым и речевым нормам.

Еще более серьезные социальные последствия имеет намеренная псевдодемократизация языка в публичном «высокостатусном» дискурсе. Языковые и речевые средства, которые оратор выбирает по собственной воле, – это не только коммуникативная характеристика самого оратора, но и портрет аудитории, к которой он обращается. Активное использование в публичной речи разговорно-просторечных (чаще это грубо-просторечная лексика) и жаргонных слов свидетельствует о том, что оратор ориентирован на такого адресата, для которого такая лексика, как *чушь, фигня, сопля, слюни, хотелки* (все примеры из выступлений

премьер-министра РФ) и т.п., является эффективным средством речевого воздействия. Следовательно, по тому, как власть говорит, можно определить, как она «видит» и оценивает того, с кем она говорит, т.е. народ.

Таким образом, уровень речевой культуры, который репрезентирует «авторитетный» публичный дискурс, свидетельствует о том, отсутствие языковой политики в современной России – это тоже политика.

Литература

1. Стернин И.А. Практическая риторика: Учебное пособие для студ. Высш. учеб. заведений. / И.А. Стернин. – М.: Издательский центр «Академия», 2003